

В. А. Мильчина ^{ab}

ORCID: 0000-0003-3896-0085

✉ vmilchina@gmail.com**А. Л. Осповат** ^c

ORCID: 0000-0001-7788-4084

✉ alex.ospovat@gmail.com^a *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*^b *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*^c *Калифорнийский университет, Лос-Анджелес (США, Лос-Анджелес)*

ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРА ТУРГЕНЕВА И «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» ЧААДАЕВА: ХРОНИКА МОСКОВСКОГО БЫТА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация. Дневники и переписка Александра Тургенева, которые до сих пор обнародованы очень выборочно, содержат важные сведения о допечатной истории первого «Философического письма» Чаадаева и о начальной стадии ожесточенной полемики вокруг публикации этого документа осенью 1836 г. В первом разделе статьи освещены попытки Чаадаева предать гласности свое «Письмо» на страницах французской прессы в середине 1830-х годов. Роль посредника автор уготовил своему старинному приятелю Александру Тургеневу, к тому времени обзаведшемуся многочисленными знакомствами в литературных кругах Парижа, однако тот отнюдь не стремился исполнить это поручение. Протестанту «по рассудку» был чужд католический прозелитизм Чаадаева, к тому же риторический потенциал «Письма» лишь до некоторой степени искупал его вторичный характер по отношению к европейской интеллектуальной традиции. На материале неизданных писем к Чаадаеву освещены тонкие маневры Тургенева, которые избавили его от необходимости содействовать продвижению в печать опуса «русского графа де Местра» (или «русского Ламенне»). Опорой для второй части статьи служит неизданный дневник Тургенева, который он вел в Москве в октябре — ноябре 1836 г. В атмосфере почти всеобщего ожесточения, вызванного публикацией первого «Философического письма» в журнале «Телескоп», Тургенев выбрал особый путь. В беседах с Чаадаевым и узким кругом приятелей он выступал оппонентом «басманного философа» и резким кри-

тиком его эгоистических устремлений, которые привели к репрессиям против издателя журнала и его цензора; но в то же время в московских салонах, где негодование в адрес Чаадаева достигало самого высокого градуса, Тургенев — едва ли единственный — «спорил за свободу говорить свободно и о России».

Ключевые слова: социальные практики в России эпохи Николая I, Александр Тургенев, Петр Чаадаев, первое «Философическое письмо», цензурный устав 1828 г., московские салоны, французская периодика 1830-х годов, Пьер-Симон Балланш, «Телескоп», Николай Надеждин, Михаил Орлов, Александр Вельтман

Для цитирования: Мильчина В. А., Осповат А. Л. Дневник Александра Тургенева и «Философическое письмо» Чаадаева: хроника московского быта (по архивным материалам) // Шаги / Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 145–176. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-145-176>.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.
Принято к печати 28 декабря 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 2. 2022
Articles

V. A. Milchina^{ab}

ORCID: 0000-0003-3896-0085
✉ vmilchina@gmail.com

A. L. Ospovat^c

ORCID: 0000-0001-7788-4084
✉ alex.ospovat@gmail.com

^a Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

^c University of California, Los Angeles (USA, Los Angeles)

ALEXANDER TURGENEV'S DIARY AND CHAADAEV'S FIRST *PHILOSOPHICAL LETTER*: A CHRONICLE OF MOSCOW LIFE (UNPUBLISHED EPISODES)

Abstract. The diaries and correspondence of Alexander Turgenev, to this day published only fragmentarily, contain important information on the early, pre-publication history of Petr Chaadaev's First *Philosophical Letter* and the first stages of the heated debate provoked by its appearance in print in 1836. The first part of the

article illuminates Chaadaev's attempts to publicize his Letter in France in the mid-1830s. Because of his deep, well-established ties to Paris journalism Turgenev was selected by Chaadaev as his intermediary but showed surprising hesitation. Turgenev, a self-proclaimed Protestant "in his mind," did not share Chaadaev's Catholic zeal, and the Letter's rhetorical fervor could not fully compensate for its derivative dependence on well-worn tropes of European political thought of the time. The article draws on Turgenev's unpublished letters to Chaadaev to trace Turgenev's maneuverings that allowed him to avoid the questionable honor of facilitating a French publication by the "Russian de Maistre" or "Russian Lamennais". The second part of the article is based on Turgenev's unpublished diary written in Moscow in October-November 1836. Confronted with public outrage after the publication of Chaadaev's First Letter in *Teleskop*, Turgenev developed a double strategy. In conversations with Chaadaev and his inner circle, Turgenev harshly criticized Chaadaev's self-centered ambition that led to the prosecution of the editor of the journal and its censor. At the same time, as a regular participant of the Moscow salons where rage against Chaadaev's letter was in vogue, Turgenev was possibly the only one to "argue in favor of the freedom to speak freely about Russia".

Keywords: Social codes in Nicholas' I Russia, Alexander Turgenev, Petr Chaadaev, first *Philosophical Letter*, Censor Charter of 1828, Moscow salons, French press of the 1830s, *Teleskop* (the journal), Pierre-Simon Ballanche, Nicholas Nadezhdin, Michael Orlov, Alexander Veltman

To cite this article: Milchina, V. A., & Ospovat, A. L. (2022). Alexander Turgenev's diary and Chaadaev's first *Philosophical Letter*: A chronicle of Moscow life (unpublished episodes). *Shagi / Steps*, 8(2), 145–176. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-145-176>.

Received December 6, 2021

Accepted December 28, 2021

Наша представления о многолетних контактах Александра Тургенева и Петра Чаадаева (весьма своеобразной «дружбе-вражде») до сих пор страдают неполнотой. Между тем дневники и эпистолярный Тургенева, обнародованные лишь выборочно, содержат важные сведения о циркуляции первого «Философического письма» (далее ФП-1)¹.

¹ Все документы, написанные на французском языке, приводятся (кроме особо оговоренных случаев) в переводе В. А. Мильчиной. При цитировании сохраняются авторские написания собственных имен; слова, выделенные автором, подчеркнуты. В первом разделе статьи даты, относящиеся к пребыванию Тургенева за границей, даются по григорианскому календарю, во втором разделе все даты (за исключением тех, которые относятся к заграничной переписке) даются по юлианскому календарю.

1. Из допечатной истории

Чаадаев начал распространять фрагменты «Философических писем» летом 1831 г., и Тургенев, тогда же прибывший в Россию после пятилетнего отсутствия, ознакомился с рукописью одним из первых. Католический прозелитизм автора был, конечно, чужд протестанту «по рассудку», как аттестовал себя Тургенев [1989: 11], но тем не менее он оценил риторический потенциал чаадаевских текстов, который до некоторой степени искупал их вторичность по отношению к европейской интеллектуальной традиции. 2 июля 1831 г., констатируя в письме младшему брату Николаю в Лондон: «система» Чаадаева «точь-в-точь гр[афа] Мейстера (Ж. де Местра. — В. М., А. О.), модифицированная [sic!] чтением немецких писателей»², — Тургенев не преминул добавить: «...я нашел много хорошего и для других нового, хотя, впрочем, я и не разделяю мнений его» [Истрин 1913: 21]. Через десять дней, адресуясь к Жуковскому, он облек свой вердикт в форму парадокса: Чаадаев «пишет à la Lamennais, и все чушь, но очень умно» (Русский архив. 1900. № 3. С. 362).

То обстоятельство, что в первой половине 1830-х годов все попытки хотя бы частично опубликовать переводы «Философических писем» на страницах русских изданий не возымели успеха (см.: [Чаадаев 2010: 652–653]), лишь усиливало стремление автора ввести пролегомены к своей концепции в европейское печатное поле. Тургенев, к тому времени прочно укоренившийся в литературных кругах Парижа, наилучшим образом подходил на роль посредника. Поэтому в начале 1835 г., в очередной раз уезжая из России, он получил от Чаадаева копию французского оригинала ФП-1. Однако Тургенев, часто и с охотой хлопотавший по чужим делам, в данном случае не испытывал энтузиазма. Во-первых, он отдавал себе отчет, что непосредственным участникам и наблюдателям «умственных буйств нашего века»³ бросилась бы в глаза компилятивная природа чаадаевского опуса. Во-вторых же, содействуя публикации текста, который несомненно подпадал под определение «русифобского», брат политического изгнанника, заочно осужденного по делу 14 декабря, принимал на себя определенные риски. Наконец (но не в последнюю очередь), Тургенева отнюдь не прельщала перспектива обслуживать непомерные амбиции «басманного философа»⁴.

Новое путешествие Тургенева началось в Австро-Венгрии. В Вене рукопись ФП-1 прочла графиня Розалия Ржевуская, сделавшая «острые» замечания, которые 3–4 марта 1835 г. Тургенев переслал Чаадаеву [Азадовский 2008]); в ответном письме от 1/13 мая Чаадаев дезавуировал врученный им самим текст, сообщив, что «в скором времени» пришлет «другой экземпляр»

² В письме Тургенева Пушкину от 14 июля 1831 г. «предтечами» Чаадаева названы «Мейстер», Л. де Бональд и аббат Ф.-Р. де Ламенне [Пушкин 1937–1949 (14): 191].

³ Выражение из его парижской корреспонденции, посланной в Петербург как раз в 1835 г. [Тургенев 1964: 79].

⁴ См., например, запись в московском дневнике Тургенева от 4 сентября 1834 г. о споре с Чаадаевым в Английском клубе: «Он захвачен често- и самолюбием и ищет [далее удалена часть текста] в своем назначении к чему-то высшему» [Азадовский 2008: 335].

[Чаадаев 2010: 396–397; ориг. по-фр.]. Но еще до того, как новый вариант дошел до адресата (см. письмо от 3 сентября 1835 г.), Тургенев в Париже показал старый вариант ФП-1 Пьеру-Симону Балланшу. Имя этого философа было хорошо знакомо Чаадаеву — в его библиотеке сохранились две книги Балланша 1820-х — начала 1830-х годов, причем одну из них («Человек без имени» = «L'homme sans nom»), которая посвящена рассказию члена Конвента, голосовавшего за смерть Людовика XVI, подарил именно Тургенев, начертанный на обложке: «Любезному другу Московскому Ламене П. Я. Чаадаеву. С.П.бург, 1832» [Каталог 2000: 55, № 111]⁵. 2 июля Балланш вернул рукопись с короткой запиской, содержащей этикетные комплименты: «...она доставила мне истинное удовольствие, и я вполне сочувствую ее форме и содержанию» [Заборов 1978: 266; ориг. по-фр.; пер. публикатора].

Сделанную на этой записке надпись Тургенева: «Прошу доставить П. Я. Чаадаеву: он отгадает, о какой рукописи идет речь» [Там же: 267], — разъясняет помета в его дневнике от 13 июля: «Пакет [Дмитрию] Свербееву <...> с письмом Баланша для Чадаева о его рукописи» (№ 305. Л. 91). Удовлетворившись ролью передатчика, Тургенев не считал нужным комментировать данный эпизод, вероятно полагая, что сам факт возвращения манускрипта (о чем было упомянуто в записке) засвидетельствовал отсутствие интереса Балланша к дальнейшей судьбе этого текста.

В письме Чаадаеву, отправленном из Лондона 31 июля 1835 г., Тургенев удостоверил получение сильно запоздавшей эпистолы от 1 мая, а далее, среди многого прочего, кратко уведомил адресата: «Я послал вам из Парижа записку Балланша» (№ 2681. Л. 3 об.; ориг. по-фр.). И в этой корреспонденции, и в последующих — заметим, что одна из них, от 30 сентября из Парижа, открывалась обращением: «Cher Ballanche-Tchadaeff!» (Там же. Л. 9), — отсутствовали даже намеки на ожидаемое адресатом развитие событий.

Чаадаев, однако, проигнорировал тургеневские недомолвки. В середине или конце ноября 1835 г., откликаясь на лондонское письмо, он призвал приятеля к неуклонному исполнению возложенной на него миссии, значение которой в его глазах теперь чрезвычайно возросло:

Меж тем вы ничего не пишете мне о Балланше. А я, признаться, уже построил на его одобрении целую философию! Не стану, однако, скрывать, что суждение его о моем сочинении чрезвычайно меня удивило: я не имел никаких оснований рассчитывать на его сочувствие, ибо в его руки попал очень скверный экземпляр. Как бы там ни было, в интересах философии вы не должны позволить оборваться узам, которые сами же и помогли завязать [Чаадаев 2010: 408; ориг. по-фр.].

⁵ На этом инскрипте отсутствует подпись, но употребленная здесь прономинация не оставляет сомнений в авторстве Тургенева. Он прибыл в Петербург 7 апреля 1832 г. (см.: ПД. Ф. 309. № 325. Л. 152; далее все ссылки на этот фонд даются с указанием только единицы хранения и листа) и, вероятно, передал книгу в Москву через кого-то из многочисленных знакомых.

В письме Чаадаеву от 2 мая 1836 г. Тургенев закрывает тему:

Вы упрекаете меня за то, что я ничего не пишу вам о Балланше, но что же сказать о нем? Он не делает ничего или почти ничего, ибо статьи в «Le Polonais»⁶ не в счет; он стал лентяй и зевака; я выдаюсь с ним два-три раза в неделю; он исполнен некоей милой беспечно-сти, которая не внушает никаких надежд насчет его будущности. Он не создаст более ничего значительного. Ему нравится проводить жизнь в обществе Рекамье, Шатобр[иана] и всех прочих, кому приятно его видеть, приятно вместе с ним мыслить вслух обо всех тех явлениях, которые походя задевают душу и ум парижан, не оставляя, однако же, там никаких следов. (...) После Балланша останется лишь несовершенная теория, основанная на столь же несовершенной науке⁷. (...) Напишите ему, он с радостью Вам ответит. Я берусь быть посредником между вами, но когда? (№ 2681. Л. 20; ориг. по-фр.).

Вопрос о том, не является ли одобрительный отзыв Балланша первым шагом к продвижению ФП-1 в печать, как бы снимается с обсуждения: Тургенев утверждает, что от никчемного «лентяй и зевака» вообще нельзя добиться толку и тем самым никаких «уз», связующих Балланша и Чаадаева, не существует. Нарочитая дискредитация личности и сочинений французского философа⁸ позволяет Тургеневу освободить себя от какой-либо ответственности за данное ему поручение, и даже предложение о передаче послания Чаадаева Балланшу — если таковое будет написано — несет печать демонстративной неопределенности: «...но когда?»

Параллельно разворачивалась и другая история. Поздней весной — летом 1835 г., отправляя Тургеневу переработанный вариант ФП-1, Чаадаев заводит речь о конкретном органе парижской печати:

Вот, любезный друг, рукопись, которую я обещал вам послать. Это не что иное, как новый экземпляр того сочинения, которое у вас имеется, но такой, какой можно без стыда представить на суд цивилизованной публики. Прошу вас немедленно уведомить меня о его получении. Не стоит объяснять, что я не слишком уверен в его благополучном прибытии, хотя

⁶ «Le Polonais» — орган польской эмиграции в Париже, издававшийся с 1833 г. с подзаголовком «Газета, защищающая интересы Польши». Балланш, который иногда публиковал здесь небольшие заметки, в марте 1834 г. выступил со следующим обращением: «Проклятия, исходящие из окровавленных руин Польши, навсегда исключают Россию из европейского братства. Я советую главному редактору отныне именовать свое издание “Газетой, защищающей интересы Европы”» (Le Polonais. Т. 2. 1834. Р. 109). С июля 1835 г. «Le Polonais» стала выходить именно с этим подзаголовком.

⁷ Самый известный из философских трудов Балланша — «Опыты социальной палингенезии» (1827–1829) — является одним из источников «Философических писем» (новейшая сводка данных представлена М. Б. Велижевым, см.: [Чаадаев 2010: 653, 655, 658–659 и след.]). Экземпляр этого сочинения сохранился в библиотеке Чаадаева, см.: [Каталог 2000: 54, № 110].

⁸ Инвективы в его адрес продиктованы лишь контекстом этого письма. Через год с небольшим, 12 июня 1836 г., Тургенев писал Вяземскому из Парижа: «Успел побеседовать с Балланшем: он затевает прекрасное издание четырех христиан-философов, в том числе считая и себя: Чаадаев передам его замыслы» (№ 316а. Л. 158).

доставить его взялся Мейендорф. Он много раз толковал мне о какой-то «Литературной Франции», где непременно желает меня напечатать. В добрый час. Но что такое эта «Литературная Франция»? <...> Говорят, что это предприятие партийное [Чаадаев 2010: 402; ориг. по-фр.].

В ту пору газета «Литературная Франция» (*France littéraire*) имела, напротив, репутацию центристской. Авторы проспекта определяли характер публикаций как «ученый, но без абстракций и педанства, литературный, но без приверженности какой-либо школе или доктрине»; газета адресовалась «трудлюбивым ученым, государственным служащим и завсегдадаям большого света», причем подчеркивалось, что среди подписчиков фигурируют жители России, Англии и Америки. Известно, что как раз в 1835 г. возникла идея использовать эту газету для прорусской пропаганды⁹, и скорее всего, намереваясь приобщить Чаадаева к сотрудничеству с «Литературной Францией», барон Александр Мейендорф¹⁰ подразумевал либо те фрагменты «Философических писем», которые были выдержаны в более умеренном тоне, нежели ФП-1, либо сочинения еще не написанные.

Другое дело, что, имея на руках ФП-1 (новый вариант, который, впрочем, принципиально не отличался от старого), Тургенев рассудил иначе. Ответ на письмо Чаадаева последовал 3 сентября 1835 г.:

Пишу вам для того только, чтобы сообщить, что получил ваше письмо с новым экземпляром вашего письма. Еще не знаю покамест, что с ним сделаю, ибо не хочу брать на себя ответственность за его публикацию, притом и «Литературная Франция» не в моем вкусе! Поговорим о сем после (№ 2442. Л. 1–2 об.; ориг. по-фр.).

На этот раз Тургенев прямо отказывается от роли посредника¹¹, мотивируя свое решение неприязнью к направлению газеты. Впрочем, эта заключительная формулировка опять-таки обусловлена контекстом послания: уже через два месяца (в письме от 3 октября 1835 г.) Тургенев подробнейшим образом пересказал Чаадаеву статью из свежего номера «Литературной Франции», присвоив, что этот номер, на его взгляд, «вообще содержит много хорошего» (№ 2681. Л. 11; ориг. по-фр.).

Таким образом, желание Чаадаева предать тиснению оригинальный текст ФП-1 во Франции не осуществилось. Данными относительно письменного или устного объяснения приятелей на эту тему мы не располагаем.

⁹ См. в письме князя Элима Мещерского, атташе русского посольства в Париже и корреспондента Министерства народного просвещения, Андрею Краевскому, который входил тогда в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения», от 30 мая 1835 г.: «Присылайте, присылайте нам статейки, если можно, на французском языке: будем помещать их в “Литературной Франции”» [Мазон 1937: 472; ориг. по-фр.; пер. публикатора].

¹⁰ Знакомец Чаадаева со времен своей службы в Генеральном штабе, Мейендорф с 1830 г. находился во Франции в качестве агента Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов.

¹¹ Об этом решении Тургенева (с указанием на местонахождение его письма от 3 сентября, но без пояснений) упомянул М. И. Гиллельсон [1986: 172, 366].

Летом 1836 г. Тургенев надолго приехал в Россию. Его записи в московском дневнике фиксируют постоянные контакты с Чаадаевым и его знакомцами:

- 4 июля. С Норов[ым] к Чаадаеву. <...> Разговор о России и пр. (№ 316. Л. 37).
 8 июля. У Чаадаева: письмо его к Якуш[кину]¹² (Там же. Л. 37 об.).
 14 июля. У [Ивана] Дмитриева <...>. У него видел Левашова, который через час явился и ко мне: с ним о Чаадаеве (Там же. Л. 39 об.).
 22 июля. Был в [Английском] клобе <...> за обедом Чад[аев] (Там же. Л. 40 об.).
 25 июля. У меня Чаадаев (Там же. Л. 41).

До появления публикации перевода ФП-1 в журнале «Телескоп» оставалось менее трех месяцев, но Тургенев мог известиться об этом предприятии как от самого автора, так и по крайней мере от двух лиц, поименованных в его дневнике. Поэту Александру Норову, соседу Чаадаева по имению в Дмитровском уезде, с большой вероятностью приписывают начальный набросок перевода ФП-1 (см.: [Эльзон 1982]), а у Николая и Екатерины Левашовых Чаадаев проводил «почти все вечера», поселившись (в сентябре 1833 г.) во флигеле их дома на Басманной [Дельвиг 1930: 216]. Здесь к месту напомнить рассказ Михаила Дмитриева о том, как Екатерина Левашова просила Михаила Дмитриева «уговорить» Чаадаева не издавать ФП-1, потому что опасалась за его судьбу [Дмитриев 1998: 367].

Нашим предположениям противоречит позднейшее свидетельство Тургенева о том, что он узнал о печатании ФП-1 только по приезде из Симбирска, куда поехал в конце июля и где пробыл до начала октября (см. письма Вяземскому от 30 октября и 1 ноября 1836 г. [ОА (3): 345–346]), однако, учитывая тот налет осторожности, которым окрашены его дневник и корреспонденция осенью этого года, мы не склонны доверять этому показанию.

Что касается других коротких знакомых Чаадаева, то известия (или слухи) о предстоящей публикации их, по-видимому, не тревожили. Косвенным тому свидетельством служит переписка Вяземского. В августе — сентябре 1836 г. он побывал в Москве, где «видел <...> почти всех, которых видеть хотел», — Чаадаева, Ивана Дмитриева, Михаила Орлова, Александра Раевского [Осповат 1992: 226]; 12 октября, вернувшись в столицу, он не без удовлетворения сообщал Тургеневу в Москву: «...готовлюсь сегодня увидеть его [Чаадаева] в “Телескопе”» [Пушкин 1952: 130].

В этот момент скандал вокруг русского перевода ФП-1, увидевшего свет 3 октября 1836 г. в № 15 журнала «Телескоп»¹³, уже наращивал обороты, и Тургенев оказался его активным фигурантом и усердным хроникером.

II. Первые московские толки о публикации в «Телескопе»

Добравшись из Симбирска в Москву 5 октября, Тургенев сразу, по обыкновению, возобновляет дружеские и светские контакты. **7 октября** он обедает у Ива-

¹² Имеется в виду письмо Ивану Якушкину от 2 мая 1836 г. (см. публикацию Д. И. Шаховского [Декабристы 1932: 183–185]).

¹³ «Имя автора не было выставлено, но письмо сие, написанное на франц[узском] языке, <...> было давно уже читано многим самим Чаадаевым» [Булгаков 2000: 35].

на Дмитриева, доживающего свой век в ранге «парнасского судии»: «Прежнее по-прежнему, но оригинальность его всегда интересна» (№ 316. Л. 54 об.). Из 25 оттисков ФП-1, заказанных автором, первый был назначен именно Дмитриеву [Чаадаев 2010: 637], но когда он попал в его распоряжение — мы не знаем. В тот же день Тургенев навещает князя Ивана Гагарина (см.: № 316. Л. 54 об.), у которого мог видеть оттиск ФП-1, назначенный для передачи Пушкину: молодой адепт Чаадаева¹⁴ отъезжал в Петербург 8–9 октября (ср. [Чаадаев 2010: 637; Летопись 1999: 507]). 7 октября Тургенев «кончил вечер» у Свербеевых (№ 316. Л. 54 об.), ближайших друзей обоих наших героев¹⁵, и, даже если оттиск, приговоренный для Екатерины Свербеевой [Чаадаев 2010: 637], еще был не доставлен, в этом доме несомненно обсуждалась журнальная новинка.

9 октября, снова посетив Свербеевых (в гостях были также славист Юрий Венелин и литератор Николай Павлов), Тургенев оставляет в дневнике короткую запись: «о Чаадаеве» (№ 316. Л. 54 об.). Можно предположить, что хозяин дома уже тогда высказал соображение, которое через 20 лет получило законченное оформление в его некрологической статье о Чаадаеве:

Наши переводные статьи, особливо с французского языка, часто оскорбляют читателя излишней яркостью и дисгармонией красок и всегда почти выражают спорные вопросы сильнее и резче, нежели какими кажутся в подлиннике [Свербеев 2014: 523]¹⁶.

Оттуда Тургенев направился в хорошо знакомый ему дом генерал-майора Александра Пашкова и его жены Елизаветы, где застал ее свойственника Михаила Орлова¹⁷. Бывший боевой генерал, один из руководителей Союза Благоденствия, освобожденный от серьезного наказания по делу 14 декабря благодаря заступничеству родного брата¹⁸, он с 1831 г. проживал в Москве, где тесно общался с Чаадаевым, впрочем, часто расходясь с ним во мнениях (см.: [Боровой 1963: 310]). С Тургеневым он тоже приятельствовал, однако на это сей раз их встречу омрачило разногласие:

¹⁴ По признанию Ивана Гагарина, начальный шаг к обращению в католичество он сделал под влиянием Чаадаева в 1835–1836 гг. (см.: [Гагарин 1996: 40]).

¹⁵ И Чаадаев, и Тургенев культивировали глубокое платоническое чувство к Екатерине Свербеевой (см.: [Голицын 1918]), что создавало дополнительные (и порой весьма серьезные) осложнения в их взаимоотношениях.

¹⁶ Ср.: «Рукописное письмо Чаадаева по-французски читали в Москве многие, и никто им не оскорблялся; оскорбил же почти всех напечатанный перевод этого письма» [Дельвиг 1930: 211].

¹⁷ Екатерина, сестра Елизаветы Пашковой, в 1834 г. вышла за Александра Раевского, младшая сестра которого — тоже Екатерина — с 1821 г. была женой Михаила Орлова. В 1830-е годы салон Пашковых стал излюбленным местом времяпрепровождения Тургенева: «Ночь у Пашковых, слышал цыган, мечтал, засыпал, вальсировал и любезничал...» (№ 325. Л. 139; запись в дневнике от 20 января 1832 г.) 14 ноября 1835 г., за год до описываемых событий, Тургенев писал Чаадаеву из Парижа: «Клянись Пашковым и их блестящему воскресному роуту» (№ 2681. Л. 14).

¹⁸ Генерал-майор Алексей Орлов (командир лейб-гвардии Конного полка) в составе войск гвардейского корпуса проявил особое отличие в подавлении мятежа 14 декабря 1825 г.; тогда же пожалованный титулом графа, он стал ближайшим другом императора Николая I. О личных контактах между братьями Орловыми в последующие годы у нас данных нет; впрочем, они, хотя не часто, обменивались письмами (см.: [Вяземский 1951: 367]).

Выговор Орлову за равнодушие, которое едва ли не хуже. О причинах его; едва не сорвалось с языка и о брате (№ 316. Л. 54 об.).

Лаконичная дневниковая запись допускает несколько истолкований. Упрек Тургеневу мог быть вызван «равнодушием» Орлова к публикации ФП-1, которая, бросая вызов государственной и церковной доктринам, тем самым с очевидностью ставила под удар автора. В этой связи напрашивалась аналогия с равнодушием собеседника, защищенного именем Алексея Орлова, к судьбе младшего Тургенева — политического эмигранта Николая. Наконец, не исключено, что Орлов высказал мнение о непродуктивности любой попытки умствования об историческом пути России, и в таком случае ключевое слово этой записи непосредственно перекликается с апофегмой Вяземского, завершающей его развернутый отзыв о ФП-1 в письме Тургеневу от 19 октября:

Нет ни одной решительной истины <...>. Все эти возгласия истин непреложных: заблуждения молодости или счастливой суетности. Зрелость духовная, то есть ума и души есть терпимость, или, иначе, равнодушие (цит. по: [Осват 1992: 228]).

Тургенев смотрел на вещи иначе и не скрыл от Вяземского (в письме от 26 октября) свою «досаду»:

Увидел я после святой терпимости — равнодушие. Ты все этим изгадил, ибо терпимость есть фенелоновская добродетель, а равнодушие — ад эгоиста [ОА (3): 337].

11 октября — впервые за несколько месяцев — Тургенев встречается с автором ФП-1 и, может статься, именно тогда получает причитавшиеся ему два оттиска [Чаадаев 2010: 637].

Заезжал <...> к [Михаилу] Орлову, спорил с Чад[аевым] за его статью — он эгоист и мелкий славолубец (№ 316. Л. 55).

Таким образом, ситуация развернулась в другую сторону. Если, как мы предполагаем, два дня назад Тургенев отстаивал самое право публично огласить свободное суждение (см. еще запись от 19 октября), то теперь его критика адресуется «эгоисту» Чаадаеву — тому, кто опубликовал ФП-1, не считаясь с последствиями для издателя «Телескопа» Николая Надеждина и цензора Алексея Болдырева (ректора Московского университета)¹⁹.

12 октября Тургенев изложил свой взгляд на вещи в письме Жуковскому:

Читал ли ты письмо его [Чаадаева]? Быть беде. Я жестоко пенял ему вчера за мелочное славолубие, коему он принес он в жертву, может

¹⁹ «При первом свидании я так сильно напал на него за суетность авторского самолюбия, что он не шутку на меня рассердился и долго у меня не был» [ОА (3): 346] (письмо Вяземскому от 1 ноября 1836 г.). Тургенев не видел Чаадаева с 12 октября (когда у него дома говорил с ним «о его статье, о его положении» — № 316. Л. 55) до 17 октября.

быть, цензора или редактора. Он увертывается тем, что к нему пришли за его откровением, и он не навязывал его [Turgenev, Žukovskij 2019: 281–282].

В тот же день, 12 октября, Надеждин посылает Белинскому, гостившему в Прямухине, письмо, полное неподдельного отчаяния:

Я нахожусь в большом страхе. Письмо Ч[аадаева] «...» возбудило большой гвалт в Москве. «...» Ужас, что говорят. [Василий] Андросов бился об заклад, что к 20 октября «Телескоп» будет запрещен, я посажен в крепость, а цензор отставлен... [Корнилов 1911: 42] (об Андросове см. записи от 15–16 октября).

Тургенев и Надеждин оказались провидцами. Утром **12 октября** попечитель Московского учебного округа граф Сергей Строганов составляет черновик первого письма министру народного просвещения Сергею Уварову. Взгляды адресата и адресанта решительно расходятся: первый предпочитает не «раздувать шума вокруг» ФП-1 [Велижев 2007: 309], второй будет квалифицировать эту публикацию как происки «партии 14 декабря» [Чаадаев 2010 519; ориг. по-фр.], и в ближайшие дни вопрос о прекращении «Телескопа», степени вины Надеждина и Болдырева выносится на обсуждение высших правительственных чинов (см.: [Там же: 506–522]). Важно напомнить, что, хотя обвинения в адрес автора ФП-1 уже носят нарочито аффилированный характер («безумный Чаадаев, удушанный доктриной Ламенне» и пр.) [Там же: 507 и след.; ориг. по-фр.], они не имеют под собой юридической основы: согласно цензурному уставу, утвержденному Николаем I 22 апреля 1828 г., «когда статья прошла Цензуру, ее автор не может нести за нее ответственность» [Там же: 508; ориг. по-фр.] (ср. [Гиллельсон 1978]).

Тревожные предчувствия Тургенева не мешают ему распространять ФП-1. **13 октября**, отправляя в Симбирск своему кузену Ивану Аржевитинову книжные новинки, вывезенные им из Франции, — Шатобрианов перевод «Потерянного рая» Дж. Мильтона (1836), роман Жюль Жанена «Проселочная дорога» (1836), уже ставшее знаменитым сочинение Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» и ряд других, — Тургенев добавляет в посылку «письмо Чаадаева» (№ 316. Л. 55).

В то же время публикация ФП-1 стимулирует интерес москвичей к обещанному издателем продолжению (см.: [Чаадаев 1836: 275, примеч. изд.]). **13 октября** московский цензор Иван Снегирев, не ведавший, разумеется, о начавшейся начальственной переписке, «говорил с преосвященным Аароном (бывшим епископом Архангельским. — В. М., А. О.) о философ[ических] письмах [sic!] Ч[аадаева]» [Снегирев 1904: 236].

14 октября Тургенев заезжает к Екатерине Муравьевой, вдове Михаила Муравьева, попечителя Московского учебного округа в ту пору, когда Иван Тургенев (отец Александра и Николая) был директором университета. Ее сын, Никита, осужденный по I разряду по делу 14 декабря, с июля 1836 г. находился на поселении в иркутском селе Урик:

Видел отправление вещей и книг, прибавил к оним обещ[анное]²⁰ и послал письмо Чадаева (№ 316. Л. 55).

О чтении ФП-1 в кругу ссыльных декабристов до сих пор не было сведений. Между тем соседом Никиты Муравьева по Урику был Михаил Лунин, и эта дневниковая запись Тургенева косвенно подтверждает гипотезу о его знакомстве с чадаевским текстом (см.: [Эйдельман 1987: 242]).

На следующий день, **15 октября**, когда Тургенев снова обедает у Муравьевой и спорит «с Чертковым²¹ о Чад[аева] пиэсе» (№ 316. Л. 55), Чадаев посылает оттиск ФП-1 княгине Софье Мещерской:

Гласность схватила меня за ворот в то самое время, когда я наименее этого ожидал. <...> Говорят, что шум идет большой; я этому несколько не удивляюсь [Чадаев 2010: 427–428; ориг. по-фр.].

Перед обедом Тургенев заезжает к Василию Андросову, редактору журнала «Московский наблюдатель», где в 1835 г. печатались его европейские корреспонденции (см.: [Тургенев 1964: 27–66]). Андросов намеревался поделиться важным сообщением, но обстановка к этому не вполне располагала («...кабинет его в беспорядке. Цензура, мои письма и книги» — № 316. Л. 55), и откровенная беседа была перенесена на следующий день.

Запись от **16 октября**:

У меня был Андросов и обещал сказать об авторе статьи против Ч[адаева]. Павлов хвалил ее, а она, по моему мнению, затейливой галиматьею оправдывает Чад[аева] (№ 316. Л. 55 об.).

В этот день (или все-таки накануне?) Андросов познакомил Тургенева с анонимной статьей «Несколько слов о “Философическом письме”...», приготовленной к напечатанию в августовской книжке журнала, сильно запаздывавшей с выходом. Несомненно Тургенев узнал, что статья принадлежит перу Александра Вельтмана (см.: [Gebhard 1970; Чадаев 2010: 597–604, 922–925])²², но в видах осторожности он не упоминает имя автора ни в дневнике, ни в переписке с друзьями²³.

Запись от **17 октября**:

²⁰ У Муравьевой Тургенев побывал еще 8 октября (см.: № 316. Л. 54 об.) и тогда, по всей вероятности, обещал снабдить Никиту вывезенными из Европы экземплярами новейших книжных и журнальных изданий.

²¹ Александр Чертков — известный археолог и нумизмат, основатель первой в Москве общедоступной библиотеки.

²² Эта статья (в самом деле весьма двусмысленная) часто и без должной мотивировки приписывалась Алексею Хомякову (см.: [Мордовченко 1950: 376; Темпест 1986]) и даже вошла в последнее издание его «Сочинений» [Хомяков 1994: 449–455]; столь же безосновательна ее атрибуция московскому митрополиту Филарету (см.: [Сапова, Сапов 1995: 138–139]).

²³ См. в его письме Вяземскому от 12 ноября 1836 г.: «Возражение, которое хотели напечатать в “Наблюдателе”, я надеюсь послать тебе, но оно слабо» [ОА (3): 360].

Проехал к Чаадаеву: он начинает беспокоиться. Взял свои письма²⁴.
После обеда он у меня: все о том же (№ 316. Л. 55 об.).

Тургенев не доверил дневнику конкретных деталей — кроме одной. Летом 1836 г. из ямы был извлечен так называемый Царь-колокол, рухнувший еще в 1737 г.²⁵; очевидцы передавали, что «народ рад видеть сие чудо» [Снегирев 1904: 229], а «дамы спрашивали “где же большой язык?...”» [Булгаков 2000: 32]. По этому поводу Чаадаев отпустил острую реплику:

Колокол в Кремле: véritable symbole de notre église: brisée, par terre et silencieuse (настоящий символ нашей церкви: разбит, повержен, безгласен — фр.; № 316. Л. 55 об.), —

которой, по воспоминаниям автора «Былого и дум» (часть IV, глава XXX), позднее фраппировал славянофилов:

Может, этот большой колокол без языка — гиероглиф, выражающий эту огромную немую страну... [Герцен 1956: 147].

18 октября Тургенев пишет Вяземскому:

Здесь большие толки о статье Чаадаева; ожидают грозы от вас (из Петербурга. — *В. М., А. О.*), но авось ответы патриотов спасут цензора [ОА (3): 333].

До второй половины октября еще оставалась надежда, что цензора Болдырева могут спасти печатные опровержения ФП-1 (см. пояснения к записям от 24 и 29 октября). Под «патриотами» Тургенев понимает Хомякова (ср. [Жихарев 1989: 104]) и Баратынского (см. письмо к Вяземскому от 24 октября и записи от 10 и 11 ноября). О неудовлетворенности Тургенева статьей Вельтмана см. запись от 16 октября и примеч. 23.

19 октября Тургенев начинает вечер с визита в дом Александры Киреевой (урожденной Алябьевой), одной из первых московских красавиц, «блеск» которой — наряду с «прелестью» Натальи Гончаровой — увековечен в пушкинском послании «К вельможе»²⁶. Среди гостей находился князь Владимир Голицын, оставивший след в дневнике Тургенева обрывком фразы: «...а законы нам дал Николай [I]». Далее следует запись:

²⁴ Как пронизательно заметил Д. И. Шаховской, по письмам Тургеневу 1835–1836 гг. «можно лучше всего проследить философскую эволюцию Чаадаева» (ПД. Ф. 334. № 192. Л. 24). Такой же свободой интеллектуальной рефлексии отмечена ответная корреспонденция, и оттого, предвидя обыск в доме Чаадаева (см. запись от 30 октября и пояснение к ней), Тургенев вовсе не напрасно принимал меры к тому, чтобы его письма не попали в чужие руки.

²⁵ Тургенев «в первый раз видел вырытый колокол», когда побывал в Кремле 8 октября (№ 316. Л. 55 об.).

²⁶ Ср., среди многого прочего, письма Вяземского Пушкину от 26 апреля 1830 г. [Пушкин 1937–1949 (11): 90] и Александру Булгакову от 24 июня 1836 г. (РГБ. Ф. 41. Картон 69. № 32. Л. 29 об.).

Мать (Екатерина Алябьева. — В. М., А. О.) защищала Чадаева; я сказал, что его оправдание в словах К[нязя] Гол[ицына], ибо до 1832 года мы были без законов! (№ 316. Л. 55 об.).

Речь идет о «Своде законов Российской империи» в 16 томах (1832) — первом систематическом своде законодательных актов²⁷, который включал отдельный том (XV), кодифицировавший уголовные наказания. По мысли Тургенева, существовавшее до того времени хаотическое состояние русской юридической практики служит аргументом для оправдания одного из тезисов ФП-1:

Как может процветать общество, которое даже в отношении к пред-
метам ежедневности колеблется еще без убеждений, без правил...
[Чадаев 1836: 286].

От Киреевой Тургенев направляется в салон Александры Киндяковой — вдовы генерал-майора Петра Киндякова и матери Елизаветы Пашковой и Екатерины Раевской (см. примеч. 17):

Там дамы и девы бостонщицы²⁸ восстали на Чад[аева]²⁹. Ожесточение распространялось и на сенатора К[нязя] Гагар[ина]³⁰. Спорил не за него, но за свободу писать свободно и о России³¹.
Весь вечер с Рахма[но]вой³² о Чадаеве; а этот вечер был, как

²⁷ Этому изданию предшествовало «Полное собрание законов Российской империи» (1830) — первый хронологический свод законодательных актов в 45 томах.

²⁸ Бостон и ландскнехт, упоминаемый в записи от 20 октября, — карточные игры; первая — коммерческая, вторая — азартная.

²⁹ Среди ненавистниц Чадаева выделялась фрейлина Марья Волкова, посмертную известность которой снискала публикация исполненных горячным патриотизмом писем 1810-х годов (впрочем на французском языке) [Волкова 1874]. См. в «Современных записках» Александра Булгакова: «Она с ребячества своего живет в Москве <...> отличается она резким языком, честными правилами, любит правду и отечество свое, гонительница либералов и вольнодумцев. Когда известный Чадаев напечатал бредни свои о России <...> она крепко бранила его и ссорила беднягу автора со всеми его защитниками, кои, правду сказать, были немногочисленны» (РГАЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 11. Л. 98 об.; запись относится к 1839 г.).

³⁰ Князь Сергей Гагарин, сенатор (с 1811 г.), президент Московской дворцовой конторы в 1831–1835 гг., отец князя Ивана (см. запись от 7 октября), мог подвергнуться нападкам только из-за своих родственных связей. Екатерина (урожденная Соймонова), жена его брата, князя Григория (посланника в Мюнхене в 1833–1837 гг.), перешла в католичество под влиянием родной сестры, Софьи Свечиной, в доме которой воспитывалась с десятилетнего возраста.

³¹ 7 ноября 1836 г. Александр Булгаков привел в письме Вяземскому каламбур. На вопрос иностранца: «Ce monsieur Tchadaeff est russe?» (Этот господин Чадаев — русский? — фр.) — московский остроумец отвечал «gustre» (невежда, мужлан. — фр.) (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1500. Л. 34 об.). Ср. истерическое восклицание Филиппа Вигеля, намеренно оттягивающее контекст делового письма, которое он послал Пушкину около 18 октября: «Нежную, обожаемую мать разругали, ударили при мне по щеке; желание мести и бессилие меня ужасно тревожит» [Пушкин 1937–1949 (16): 171].

³² Екатерина Рахманова (сестра Марьи Волковой — см. примеч. 29) в 1830-е годы нередко беседовала с Тургеневым на литературные и метафизические темы. См., например, записи в его дневнике от 13 и 20 ноября 1831 г.: «У Вяземского разговор с Рахмановой — о русских и о просвещенности в столицах»; «С Рахмановой о греч[еской] религии, о пресуществлении и пр.» (№ 325. Л. 119, 120 об.). Последний из этих разговоров известен в шаржированном пересказе Александра Булгакова: «Намедни, у Киндяковых на бале, он

и сами спорщицы, — новым подтверждением Чадаеву (№ 316. Л. 56).

Заключительное резюме выводит к одному из ключевых тезисов ФП-1:

Бедные! Неужели к прочим нашим несчастьям мы должны прибавить еще новое: несчастье ложного о себе понятия! [Чаадаев 1836: 282].

20 октября министр Уваров информирует графа Строганова о запрещении публикации каких-либо откликов на ФП-1 [Чаадаев 2010: 511], а Тургенев, подводя предварительный итог своему «салонному рысканью», записывает в дневник:

Гости заняты ландскнехтом
Иль Чадаева войной! (№ 316. Л. 56).

Вечером **21 октября** Тургенев занемог, и два следующих дня он не выходит из дому. **22 октября** его навещают Павлов, Свербеев и Александр Норов (Там же), но записывать в дневник подробности состоявшихся прений у хозяйина не стало сил.

Между тем **22 октября** в Петербурге завершилась интрига, в которой участвовали высшие чины, отвечавшие за надзор над печатью. Как недавно установлено (см.: [Велижев 2022]), результатом утренней аудиенции, данной императором графу Бенкендорфу, явился высочайший вердикт: 1) «Телескоп» — запретить; 2) Надеждина и цензора Болдырева — отрешить от должностей и вытребовать в столицу; 3) содержание ФП-1 квалифицировать как «смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного» [Лемке 1908: 413]. В тот же день первые два распоряжения Уваров сообщил графу Строганову [Чаадаев 2010: 523–524], а о резолюции относительно Чаадаева министра еще не уведомили. По-видимому, в канцелярии Бенкендорфа шлифовали слог отношения, отправленного московскому военному генерал-губернатору князю Дмитрию Голицыну **23 октября**: разделяя «искреннее сожаление» соотечественников о постигшем Чаадаева «расстройстве ума», государь поручает адресату принять «надлежащие меры к оказанию г. Чеодаеву всевозможных попечений и медицинских пособий» [Там же: 524–525].

23 октября Тургенев принимает большую компанию:

Спор Чад[аева] с Сверб[еевым] и Орл[овым]. Шум за церковь!
(№ 316. Л. 56).

Предметом спора служит прокламируемое в ФП-1 отпадение православия от «всемирного» христианского «братства» — грех, унаследованный от «растленной, презираемой всеми народами Византии»:

(Тургенев. — В. М., А. О.) вдруг начал громко проповедовать Рахмановой, среди котилиона, рассказывая, как можно соединить веры нашу и католическую» (из письма брату Константину от 22 ноября 1831 г. (Русский архив. 1902. № 1. С. 151).

Несмотря на название христиан, мы не тронулись с места, тогда как как западное христианство величественно шло по пути, начертанному его божественным основателем [Чаадаев 1836: 295, 298].

На следующий день, **24 октября**, сетуя в письме Вяземскому на повышенный градус происходившей накануне полемики:

Вечеру Свербеев, Орлов, Чадаев спорили у меня так, что голова моя, и без того опустевшая, сильнее разболелась, —

Тургенев существенно расширил ее контекст:

Баратынский пишет опровержение <...>³³. Здесь остервенение продолжается, и паче молва бывает. Чаадаев сам против себя пишет и отвечает себе языком и мнениями Орлова [ОА (3): 336].

Возможно, Орлов, оказавшись одним из героев «молвы», сам инициировал составление письма от своего имени, которое должно было засвидетельствовать его отречение от взглядов, изложенных в ФП-1:

Вы помните, я часто говорил вам, что ваши взгляды не найдут сочувствия в соотечественниках. <...> Мой национальный инстинкт меня не обманул. <...> Абстракции, среди которых вы обитаете, скрыли от вас истинное положение вещей. <...> И коль скоро вам никого не удалось убедить, какова же может быть польза от этой публикации? [Чаадаев 2010: 429–430; ориг. по-фр.].

Чаадаев сочинял этот документ несколько дней, но в итоге цель не была достигнута — незаконченное и неподписанное письмо осталось в бумагах, изъятых при обыске 29 октября, причем на черновике сохранилась жандармская помета: «Почерк Чаадаева» [Чаадаев 2010: 825; ориг. по-фр.].

24 октября — почтовый день. Одно из писем, отправленное брату Николаю, можно разделить на три части. Сначала дается краткий обзор московских толков:

Я бываю на кое-каких пустых вечерах, которые, впрочем, с недавних пор оживляются пылкими выходками против напечатанного письма Чаадаева. Особенно дамы ополчаются против него; они ялятся; в гостиных речь только и идет что о Чадаеве, и скоро двери многих для него закроются.

Далее — как, по-видимому, и в споре, произошедшем накануне, — Тургенев стремится истолковать чаадаевскую апологию католицизма как производное от его культа той исторической эпохи, которая навсегда определила главенствующую роль Римской церкви в Западной Европе:

³³ См. запись от 10 ноября и пояснение к ней.

Я тоже был зол на него за то, что он согласился на печатание вещей столь неясных, но могущих показаться сильными и *личными* выходами против отечества всякому, кто не знаком с главной мыслью автора, каковая заключается в безграничном восхищении средневековым и тем, что составляло источник его существования, а именно тогдашнюю церковь. И ничего более! Он сожалеет, что не было и у нас чего-то подобного: это идея, взгляд на вещи не лучше и не хуже других. Впрочем, я давно не перечитывал это письмо, а нынче, хотя и не так сильно занят, никак не могу отыскать времени, чтобы его перечесть³⁴.

А под конец Тургенев передает брату слухи о первых распоряжениях императора по делу «Телескопа»:

Говорят, что цензора (Болдырева) уволили, а журнал закрыли (№ 950. Л. 46; ориг. по-фр.).

Понятно, что отношение Уварова к Строганову (см. пояснение к записи от 22 октября) никоим образом не могло дойти до Москвы за два дня, и нам остается — с крайней осторожностью — заподозрить наличие частных прогнозов на этот счет, циркулировавших в канцелярии попечителя Московского учебного округа.

Второе письмо — Жуковскому:

Я и сам не на шутку напал на Ч[аадаева], как скоро узнал, что письмо его напечатано, да и он за мое нападение тогда не на шутку рассердился; но с тех пор, как вся Москва, от мала до велика, от глупца до умника, [два знака нрзб.] опрокинулась на него и он сам пришел в какую-то робость, мне уж его жаль было. <...> Написано не для печати, и у него выпрошено. (Между нами: это не оправдание совершенное, и он сам раскаивается, что отдал его в печать) [Гиллельсон 1974: 285; Turgenev, Žukovskij 2019: 283–284].

Это письмо Тургенев переправил через московского почт-директора Александра Булгакова:

Вот письмо Жук[овскому]. <...> Слышу, что цензор отставлен? Не слышал ли чего и о журналисте [Надеждине]? [Тургенев 1939: 194].

Оставалась лишь одна надежда:

Автора прикрывает цензурный устав [Там же] (см. пояснение к записи от 12 октября).

³⁴ Настоячивые уверения в поверхностном знакомстве с «Философическими письмами» — вынужденная уловка. Очевидно, письмо было послано не с оказией, и автор допускал возможность перлюстрации.

24 октября после обеда к Тургеневу пришли Свербеев, Чаадаев, Павлов и некий неназванный англичанин: «опять споры о церквях» (№ 316. Л. 56 об.). Чаадаев принес (для отправки в Петербург) письмо Марии Бравуре, известной в столичных светских кругах католичке итальянского происхождения:

До вас наверняка дойдет молва о некоей прозе, хорошо вам известной; скажите мне, прошу вас, об этом два слова. Хула и хвала так странно здесь перемешались, что я уже ничего не понимаю. В ваших краях, может быть, все совсем иначе; в любом случае, что бы вы мне ни сообщили, я услышу голос дружеский (Там же; ориг. по-фр.)³⁵.

В эту посылку Тургенев вложил собственное письмо Бравуре:

Кстати о прошлом, его великий ниспровергатель в том, что касается России, начинает терять философическое хладнокровие и просит вас описать ему действие, произведенное его первой филиппикой в ваших гостиных; в здешних царит прежняя ярость: все православные против него восстали, и будь я на его месте, я бы уже по одной этой причине место сие проклял. <...> Поверьте, милейшая римлянка, истинно православным является один лишь Господь, а мы сделаемся таковыми лишь в Господе. Посему, как говорил наш друг Фенелон, мы обречены терпеть все, что претерпел Господь³⁶. <...> Не сумею лучше передать вам вопль московского большинства против Ч[аадаева], как приведу одну фразу великого крикуна из Коллеж де Франс, которою в курсе сравнительного законоведения характеризовал он Нерона после пожара римского: «Сей изверг поднял отцеубийственную руку на прошлое своего отечества»³⁷ (Там же. Л. 57–57 об.; ориг. по-фр.).

Уже передав Тургеневу свое письмо Бравуре, Чаадаев потребовал его назад и приписал к нему несколько строк:

По зрелом размышлении я бы предпочел, чтобы статья моя не была напечатана; я куда лучше ощущаю себя в уединении и безвестности, нежели на этом форуме пошлости, коими меня осыпают; гласность явилась ко мне и учинила надо мною насилие³⁸; я лишь произнес в ответ: Аминь (Там же. Л. 57; ориг. по-фр.).

Вечером **25 октября** Тургенев «опять» ведет «сильные споры» с Орловым, Свербеевым и Павловым (Там же. Л. 57 об.). Употребленное здесь наре-

³⁵ В издании [Tchaadaev 1990: 71] цитируемое письмо печатается по копии, сделанной Д. И. Шаховским, и по его указанию ошибочно отнесено к 6 октября 1836 г. [Ibid.: 245]. Оба письма Бравуре были отправлены 26 октября (см.: № 316. Л. 57 об.).

³⁶ О фенелоновской теме см. пояснение к записи от 9 октября.

³⁷ Имеется в виду публицист, философ и историк Жан-Луи-Эжен Лерминье (объект постоянного внимания и резкой критики Тургенева). С 19 апреля по 9 июля 1836 г. Лерминье читал в Коллеж де Франс курс лекций по сравнительной истории законодательства; цитируемая фраза взята из лекции седьмой, прочитанной 17 мая 1836 г. [Lerminier 1836: 121].

³⁸ Формула, опробованная Чаадаевым в более раннем письме княгине Софье Мещерской: «Гласность схватила меня за ворот ...» (см. пояснение к записи от 15 октября)

чие не оставляет сомнений в начальном предмете спора: это — ФП-1. Однако тема неожиданно сменилась:

Орлов кольнул меня наружную благотворительностию³⁹, отвечал с чувством и сердцем, особливо за Цынского, кот[орый] в англ[ийском] клобе сказал о ком-то из пытаемых им: «на 80-х розгах признался»⁴⁰. Потерял голос от спора: сестрица слышала слова мои: «Я презираю ваше общество» (Там же).

Впрочем, ссора не имела продолжения. **27 октября** у Тургенева «болтал Норов о Муравьеве-авторе и — Сверб[еев] о Чад[аеве]» (Там же).

Одним из гостей, скорее всего, был упоминавшийся Александр Норов, брат которого Авраам (тоже знакомец Тургенева) в 1834–1835 гг. предпринял поездку на Восток и в Иерусалим, отчасти следуя маршруту Андрея Муравьева. В таком случае речь могла идти о книге Муравьева «Путешествие по Святым местам» (СПб., 1830. Ч. 1–2), в 1835 г. вышедшей третьим изданием. Не менее вероятно «болтовня» о другой книге Муравьева, в самом широком контексте соотносившейся с проблематикой ФП-1, — «Письма о богослужении восточной церкви» (СПб., 1836)⁴¹.

Разговор же со Свербеевым рисковал поставить в связь с новостью, ставшей известной утром **27 октября**: в Московском цензурном комитете было «получено высочайшее повеление о запрещении Телескопа и вызове в С[анкт]-П[етербург] цензора Болдырева» [Снегирев 1904: 236].

28 октября — день отдохновения от политических споров. Днем Тургенев читал газету «La France», откуда выписал пассаж, сопоставляющий христианские интенции Шатобриана и Фенелона (см.: № 316. Л. 57 об.); вечером «любезничал у красавицы Киреевой» [ОА (3): 343] (см. пояснение к записи от 19 октября).

³⁹ В 1830–1840-е годы во время своих приездов в Москву Тургенев регулярно посещал пересыльный замок на Воробьевых горах и раздавал деньги шедшим на каторгу. Так, осенью 1836 г. в его дневнике зафиксированы визиты в «острог» 19 октября и 2 ноября (ПД. № 316. Л. 55 об., 58 об.). 3 декабря 1845 г., в день своей смерти, Тургенев писал брату Николаю: «Мне было радостно и печально вновь увидеть Воробьевы горы. Содержание осужденных весьма улучшилось. (...) Между тем какое еще обширное поле для нашей деятельности. Сколько несчастных и невинных вперемешку с настоящими преступниками. История некоторых евреев раздирает мне сердце. Постараюсь сделать для них, что смогу» (№ 1648. Л. 2 об.; ориг. по-фр.). Эта филантропическая деятельность Тургенева часто вызвала насмешки и многословные отповеди со стороны его приятелей и знакомых (см., например, письмо Вяземского от начала сентября 1842 г. [ОА (4): 172–176]). В ответ на замечание Александра Булгакова, «что лучше бы обращать сострадание на несчастных (...), кои страдают не от своей вины, нежели на ссылочных», — Тургенев отвечал: «...у тех покровителей много, а сии заступников не имеют» [Булгаков 2000: 67]. Лишь спустя много лет по смерти Тургенева Булгаков начал описывать сцены на Воробьевых горах в патетическом тоне: «Много было осушаемо [доктором Федором] Гаазом и Тургеневым слез! Много доставляемо ими вспомоществований и утешений несчастным ссылочным!» (Библиографические записки. 1858. № 18. Стлб. 550).

⁴⁰ Лев Цынский (Цинский) — генерал-майор, московский обер-полицмейстер (с 1833 г.), чья репутация вполне соответствовала его реплике (см.: [Чаадаев 2010: 833]).

⁴¹ В русле нашей темы небезынтересно было бы узнать, по каким причинам в названии этой книги отсутствовало определение, вставленное во все ее переиздания (начиная с 1838 г.): «Письма о богослужении восточной католической церкви» (разрядка наша. — В. М., А. О.).

29 октября с самого утра Тургенев поехал в университет, где встретил профессора Степана Шевырева, с которым говорил о Чаадаеве и Надеждине (см.: № 316. Л. 58).

Оттуда к Сверб[еево]й, сидел с ней с час, болтал о многом. Дал Клименке для Болдырева два письмеца: Жук[овско]му в Ц[арское] Село и К[нязю] Вяз[емскому] в П[етер]бург. <...> Читал письмо Архимандрита о Чад[аеве]. Безграмотный монах умничает (Там же).

Степан Клименков — субинспектор Московского университета в 1836 г. В переданном через него и Болдырева⁴² письме Жуковскому Тургенев описывает свои хозяйственные обстоятельства (см.: [Turgenev, Žukovskij 2019: 285–287]). В письме же Вяземскому от 29 октября 1836 г. есть краткое сообщение: «Ректор-цензор едет явиться к государю. Все возражения [на ФП-1] запрещены» [ОА (3): 343] (ср. запись от 20 октября). Как раз 29 октября статья, приготовленная для «Московского наблюдателя» (см. запись от 16 октября), была запрещена цензором Д. М. Перевощиковым (см.: [Сапов, Сапова 1995: 90]). Что же касается некоего архимандрита, которого столь нелестно характеризует Тургенев, то его личность установить мы не смогли.

В тот же день, **29 октября**, исполняя предписание графа Бенкендорфа от 23 октября, начальник Московского округа жандармов генерал Степан Перфильев командировал жандармского подполковника Бегичева и старшего московского полицмейстера Николая Брянчанинова произвести обыск в доме Чаадаева и «самым негласным образом» изъять находившиеся там бумаги [Лемке 1908: 414; Чаадаев 2010: 826].

Очевидно, одним из первых узнал об этом Михаил Орлов и, предполагая, что Чаадаев не успел дописать письмо от его имени (см. выше сообщение Тургенева Вяземскому от 24 октября), пошел ва-банк. Мы располагаем черновиком послания опального генерала графу Бенкендорфу, которое приводим, воспроизводя зачеркнутые фрагменты в квадратных скобках:

Милостивый Государь,
Граф Александр Христофорович!

Дошли до меня слухи, что в Петербурге некоторые лица, или по незнанию обстоятельств, или по личному неблагоприятному ко мне расположению, приписывают мне перевод Философического письма, помещенного в Телескопе, [далее зачеркнуто: и даже уверяют, что это письмо в оригинале адресовано на имя жены моей]. Сие побуждает меня торжественно объявить пред Вашим Сиятельством:

1) Что я никогда не брал ни малейшего участия в переводе вышесказанного письма.

2) Что в том письме нет ни одного основания, ни одного вывода, ни в религиозном, ни в философическом, ни в историческом смысле, с коим я был бы согласен.

3) Что не только не разделяю образа мыслей сочинителя, но был и емь противник оного всегда и везде и во всяком случае.

⁴² Болдырев и Надеждин выехали в Петербург 2 ноября (см.: [Лемке 1908: 418]).

[Далее зачеркнуто: 4) Что письмо сие было уже многим известно в течение 1829-го года, вскоре после сочинения оно, а мы с женою познакомились с сочинителем только в конце 1831-го или в начале 1832-го года. 5) Что до тех пор я никогда не встречал автора ни в обществе, ни по службе, и 6) Что следственно письмо не могло быть адресовано на имя жены моей.]

Сим простым отрицанием, которое за долг почитаю довести до сведения Вашего Сиятельства, заключаю мое письмо, прося вас покорнейше дать ему всю гласность, необходимую для защиты меня от несправедливых обвинений.

С чувством глубочайшего почтения имею честь пребыть
<...>

Михаил Орлов

Сего 29-го октября 1836-го года

Москва

(ПД. Ф. 255. № 9. № 1. Л. 1–1 об.)

30 октября попечитель Московского учебного округа граф Строганов уведомил своего помощника Дмитрия Голохвастова:

Сегодня утром у меня был Чаадаев: любопытно, но прежде всего — полу-отвратительно [Чаадаев 2010: 896; ориг. по-фр.; пер. М. Б. Велижева].

Ср. письмо графа Строганова своему отцу от 3 ноября:

...но, что самое занимательное, автор статьи [нрзб.] сам жалуется, что Цензура пропустила статью; он утверждает, что она есть порождение ума больного, что он был безумен в 1829 г., когда написал это письмо [Там же: 536; ориг. по-фр.; пер. М. Б. Велижева].

23 ноября Денис Давыдов писал Пушкину:

Мне Строганов рассказал весь разговор его с ним [Чаадаевым]; весь — с доски до доски. Как он, видя беду неминуемую, признался ему, что писал этот пасквиль на русскую нацию <...> во время сумасшествия <...>; как он старался свалить всю беду на журналиста и на цензора... [Пушкин 1937–1949 (16): 194].

Впрочем, по рассказу Михаила Жихарева, родственника и душеприказчика «басманного философа», граф вел себя надменно «и вдобавок пересказывал <...>, что у него был Чаадаев, расстроенный, взволнованный и униженный» [Жихарев 1989: 102]. См. ниже запись в дневнике Тургенева от 5 ноября.

В записи же от **30 октября** Тургенев отметил обыск в доме Чаадаева.

Он (Шевырев. — В. М., А. О.) и Павл[ов] уведомили меня об отобрании бумаг у Чад[аева] и о слухе о Вологде⁴³. Я поехал к нему

⁴³ Надеждин был сослан в Усть-Сысольск — уездный город Вологодской губернии, а в Вологду его перевели лишь в январе 1838 г. Однако Тургенев неизменно называет ме-

с Павл[овым], нашел его хотя в душевном страдании, но довольно спокойным; он уже писал ко мне и просил книг и предлагал писать к гр[афу] Бенк[ендорфу]!! И мой портрет взяли у него! И верно донесено будет о сем визите! <...>. К [Ивану] Дмитриеву: с ним о Чад[аеве], он хотел вчера ехать к нему со мною. <...> Дома нашел письмо от брата № 8 от 23 окт[ября] из Парижа. Ему чужды наши хлопоты за приятелей и наши опасения за судьбу их!⁴⁴ (№ 316. Л. 58).

В упоминаемом здесь письме [Чаадаев 2010: 432] ошутимы если не испуг, то чрезвычайная обеспокоенность по поводу того, что власти обратят внимание на отсутствие в изъятых у Чаадаева бумагах писем Тургенева, которые тот заблаговременно забрал⁴⁵. Сколько известно, Тургенев проигнорировал предложение предоставить эти письма Бенкендорфу; он был гораздо более встревожен конфискацией своего портрета работы Карла Брюллова, написанного в Риме в 1832 г. См. в письме Вяземскому от 30 октября:

Он [Чаадаев] сказал, что с бумагами взяли портрет мой, Брюллова, с известной надписью: «Без боязни обличаху», <...> слова летописца о Плещееве и предке моем Петре Тургеневе, кои «без боязни обличаху» Гришку Отрепьева в самозванстве⁴⁶ [ОА (3): 343–344].

Около 31 октября осведомитель III Отделения Николай Кашинцов доносит по инстанции⁴⁷: «идет рассказ», что «Телескоп» запрещен; «идет слух, будто повелено, что как статья его [Чаадаева] заставляет сомневаться в его добром здоровье, то чтоб к нему ездил наведываться по два раза доктор» [Чаадаев 1991: 533]. Вероятно, этот слух отразился в дневниковой записи Тургенева от **31 октября**:

После обеда <...> у Сверб[еевых], там узнал об участии Чад[аева].

Следующая за этим запись:

стом его ссылки Вологду — см. аналогичные сообщения в письмах Александру Булгакову от 7 декабря («Участь журналиста и цензора решена: первый ссылается в Вологду, второй отставлен за нерадение от всей службы...») [Тургенев 1939: 197]) и брату Николаю от 14 декабря 1836 г. («Я, кажется, писал тебе, что журналист Надеждин, публиковавший с похвалами Чадаеву письмо его, послан в Вологду, цензор отставлен за нерадение от всех должностей...») (№ 950. Л. 48 об.).

⁴⁴ Заметим, что в конце 1810-х — первой половине 1820-х годов Николай Тургенев был очень близким другом Чаадаева.

⁴⁵ В дополнение к записи от 17 октября приведем вуалирующую версию из письма Тургенева Вяземскому, датированного тем же 30 октября: «Я писал к тебе, что у Чаадаева взяли все бумаги. Теперь я вспомнил, что из Парижа я писал к нему (писем моих у него нет, кажется, ни одного; ибо я не к нему писал их, а только к вам, поручая их прочитывать ему, как и другим, но все от него кто-то взял их по его прочтении)» [ОА (3): 344].

⁴⁶ См. в «Сказании» Авраамия Палицына о казнях в эпоху Лжедмитрия I (1605 г.): «Мученицы [sic!] же новии явльшися тогда: дворянин Петр Тургенев да Федор Колачник без боязни того обличаху» [Авраамий 1784: 21]. В письме Вяземскому от 1 ноября 1836 г. Тургенев называл слова «Без боязни обличаху» «девизом», «давно нами принятым» [ОА (3): 345].

⁴⁷ Главным адресатом этого и цитируемого далее донесений был генерал-майор Перфильев (см. пояснение к записи от 29 октября).

Гости у нас: спор с [фамилия нрзб.]. «Кто за нас мыслит?» — какая гнусная интерпретация!

По всей видимости, цитируя пассаж из ФП-1:

...где наши мудрецы, где наши мыслители? Когда и кто думал за нас, кто думает в настоящее время? [Чаадаев 1836: 294], —

этот гость истолковал характерные для Чаадаева риторические вопросы как выпад против конкретных лиц, отвечавших за государственную идеологическую программу (прежде всего министра Уварова).

Последний октябрьский вечер Тургенев закончил у Свербеевых вместе с Павловым: «О Ч[адаеве], о себе» (№ 316. Л. 58).

Оставим на догадку осведомленность Тургенева о «секретном» рассказе, который 31 октября изложил Кашинцов в очередном донесении: к написанию «Философических писем» автора «особенно» побуждал именно Тургенев, который уже «струсил» и «ускакал» в Петербург; ему принадлежал то ли его собственный портрет, то ли «постыдного» брата его и «с дерзкой надписью: без боязни обличаху» [Чаадаев 1991: 533] (см. запись от 30 октября и примеч. 46).

1 ноября обер-полицмейстер Лев Цынский, получив указание князя Дмитрия Голицына [Чаадаев 2010: 530], вызвал к себе автора ФП-1 для «объявления меры правительства, последовавшей по Высочайшему повелению». Чаадаев, «собравшись с силами, сказал: “Справедливо, совершенно справедливо”...» [Лемке 1908: 418]⁴⁸.

Визит получил огласку, но запись от **1 ноября** предельно лаконична:

Встретил Барат[ынского], дал ему письмо К[нязя] Вяз[емского]⁴⁹. <...> Был у [Ивана] Киреевского; толковали о Ч[адаеве], о церкви и пр. <...> К Сверб[еевым]. О Чад[аеве] (№ 316. Л. 58).

Намек, проскользнувший в записи от **2 ноября**:

Вечер у Сверб[еевых] с Кн[ягиней] [Надеждой] Шах[овской] и с сестрою ее К[нягиней] [Анной] Щербатовой. О Чадаева положении (Там же. Л. 58 об.), —

раскрыт в письме Вяземскому от того же дня:

Сказывают, что Чаадаев сильно потрясен постигшим его наказанием: <...> сидит дома. Похудел вдруг страшно и какие-то пятна на лице [ОА (3): 349].

⁴⁸ См. рассказ Михаила Жихарева: «Обер-полицмейстер обошелся с Чаадаевым чрезвычайно вежливо и, насколько то с его должностью совместимо, предупредительно» [Жихарев 1989: 102].

⁴⁹ Очевидно, имеется в виду письмо Вяземского о ФП-1 от 19 октября (см. пояснение к записи от 9 октября).

Далее в дневнике Тургенева реферируется содержание устных или эпистолярных бесед о ФП-1 и судьбе Чаадаева. Запись от **4 ноября**:

Писал к Вяз[емскому] о причине моей благодарности Чад[аеву]⁵⁰. <...> После обеда опять у Сверб[евых], разговоры все о Ч[адаеве] с Павл[овым]. Он ссылается и на книгу Ястр[ебцова]⁵¹. <...> Разговор с гр[афом] Стр[огановым] о Ч[адаеве]. Он признал себя сумасшедшим. <...> Ор[лов] пасмурен — писал к Б[енкендорфу]⁵² (№ 316. Л. 58 об.).

Запись от **5 ноября**:

У меня был Норов, вчера бывший у Чад[аева]. Я у гр[афа] Стр[оганова]. Говорили о Чад[аеве]. Все свалил на свое сумасшествие: вот как проникнут он — пришествием Царствия Божия! Adv[eniat] Regn[um] Tuum! (Да придет Царствие Твое! (лат.). — *B. M., A. O.*) Бедный, собрав несколько идей, основал их на грезах своих, защищал их против нас сильно, иногда красноречиво: его объявили сумасшедшим и он — согласен только не с собою. <...> Фикельмон велел сказать его одобрение Ч[адаеву]⁵³ (Там же).

⁵⁰ См.: «Я не мог не тешить Чаадаева <...>, ибо я никогда не забуду, что, когда брат мой Сережа приехал в Дрезден в ужасно расстроенном здоровье [в 1826 г.], то один он ухаживал за ним в болезни его до той поры, пока другой ангел-хранитель, в лице [Е. Г.] Пушкиной, не принял участия в положении и в болезни брата <...> Я не забуду никогда, чем обязан Чаадаеву в это время. Вот что изъясняет мою о нем заботливость» [ОА (3): 351]. См. письма Чаадаева Тургеневу от 15 и 17 июня 1826 г. из Дрездена: [Тургенев 1991: 62–64].

⁵¹ Имеется в виду книга Ивана Ястребцова «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества» (М., 1833), которая, по признанию автора, «некоторыми своими мыслями» была обязана некоему «П. Я. Ч.». Эта книга, благополучно прошедшая цензуру, в 1834 г. получила половинную Демидовскую премию, находившуюся под присмотром министра Уварова.

⁵² Текст письма Орлова см. в пояснении к записи от 29 октября.

⁵³ Точка зрения австрийского посла Фикельмона известна по его донесению в Вену от 7/19 ноября 1836 г.: «В литературном журнале, выходящем в Москве под названием *Телескоп*, опубликовано письмо отставного полковника Чаадаева к некой русской даме, коего предметом — разыскания исторических причин, удерживавших столь долгое время русскую нацию в невежестве и варварстве, а со времен Петра Великого сообщившие ей ложную цивилизацию, которая высшим сословиям придала внешний блеск, массу же народа оставила прозябать в старинном варварстве. Письмо это было написано несколько лет тому по-французски <...>, я читал номера первый и третий. Не были они предназначены для публикации, однако автор имел легкомыслие согласиться на перевод и напечатание первого из них; московский цензор письмо пропустил, не придав ему значения либо же по беспечности. Русских, объятых тщеславием и убежденных, во всяком случае в столице, в собственном религиозном и политическом главенстве, оно поразило подобно разорвавшейся бомбе. Автор утверждает, что продолжительной безвестностью и бесчисленными несчастьями обязана Россия роковому решению перенять религию и цивилизацию у Византии, уже пребывавшей в ту пору в упадке, вместо того чтобы съединиться с церковью латинской, вознесшей цивилизацию Запада на столь большую высоту. Мысль эта развита с великим талантом, однако же с чрезмерной злостью против своей страны, которую автор чересчур унижает. Одного этого будет довольно Вашей Светлости, чтобы угадать действие, какое эта публикация здесь произвела; оно было тем более сильным, что автор оканчивает статью заключением о том, что Россия до той поры пребудет разлучена с цивилизацией истинной, покуда останется удалена, как это происходит ныне, от великого умственного движения,

6 ноября Тургенев пишет брату:

Бедный Чад[аев] за безумный поступок, который сам, как слышно, признает таковым, «признан сумасшедшим» и ему, как таковому, нельзя пока ни выходить, ни выезжать⁵⁴. Журналист Погодин⁵⁵ и цензор Болдырев потребованы в П[етер]бург и последний уже отставлен от ценсорства. Чад[аев] est très résigné (полон смирения (фр.). — В. М., А. О.), признает свою ошибку и себя заслуживающим наказание, ему назначенное, говоря, как слышно, что он увлечен был авторским самолюбием, что думал так в 1827 году, что с тех пор переменил мысли и даже начал уже писать на самого себя опровержение. Я прочел это письмо в печати по возвращении из Синбирска, когда уже нельзя было советовать ему не печатать своих старых бредней! Я сердит был на него за его непростительную необдуманность, и мы повздорили за публикацию с ним, но теперь я только — жалею о нем. Я был у него раз после несчастья. Он старается быть мужественным, но сил не всегда, кажется, достает у него (№ 950. Л. 46).

Мнение о том, что объявление Чаадаева сумасшедшим обратило его в «предмет общей заботливости и общего внимания» [Жихарев 1989: 104], нуждается в серьезной корректировке. Приведем здесь отрывок из письма княгини Ольги Долгоруковой отцу (Александру Булгакову) от 27 ноября 1836 г. из Баден-Бадена, где собралось светское общество обеих столиц. Сообщая о «справедливом возмущении» Софьи Карамзиной (дочери историографа) по поводу ФП-1, княгиня продолжает:

Наказание, ему назначенное, на мой взгляд, превосходно. Оно не в пример унижительнее, чем ежели бы посадили автора под замок, а вдобавок сделает его посмешищем до конца жизни <...> Вчера за обедом речь только об этом и шла, мы разом и смеялись, и возмущались: смеялись над наказанием, Чадаеву избранным, а возмущались самим его сочинением (РГБ. Ф. 41. Картон 79. № 19. Л. 7 об.; ориг. по-фр.)⁵⁶.

свершающегося на Западе, движение же это он понимает в смысле религиозном и истинно монархическом. <...> Таковая публикация отягчит участь автора. Император, убежденный, что только большой способен высказываться в подобном тоне о своей стране, ограничился покамест приказанием, чтобы автор пребывал под надзором двоих врачей, которые через несколько времени доложат о его состоянии» [Kauchtschischwili 1968: 203–204] (ориг. по-фр.; впервые в рус. пер.: [Гиллельсон 1970: 25–26]). Приехав в Петербург, Тургенев имел возможность лично выслушать мнение Фикельмона (см. записи в его дневнике от 27 ноября 1836 г. и 6 декабря 1836 г. [Щеголев 1999: 258]).

⁵⁴ См. в письме Тургенева Вяземскому от 7 ноября: «Доктор [М. К. Гульковский] ежедневно навещает Чаадаева. Он никуда из дома не выходит. Боюсь, чтобы он и в самом деле не помешался» [ОА (3): 352].

⁵⁵ Описка Тургенева. Имеется в виду Надеждин.

⁵⁶ Ср. письма оттуда же Софьи Карамзиной брату Андрею от 17 ноября [Карамзины 1960: 128–129] и письмо Долгоруковой отцу от 3 декабря: «Нас очень развлекло дело Чадаева, а в особенности наказание, избранное для него императором: это именно то, что для таких тщеславных людей, каков он, и надобно. — Все здешние русские желают узнать окончание этого дела, и все бросают камень в автора» (РГБ. Ф. 41. Картон 79. № 19. Л. 11; ориг. по-фр.).

В последние две недели своего пребывания в Москве Тургенев по-прежнему держится двух линий поведения: оппонируя Чаадаеву в узком кругу, он перед широкой аудиторией, «ожесточившейся» против автора ФП-1, «спорит за свободу писать свободно и о России».

Запись от 7 ноября:

Нов[осильцев]⁵⁷ хвалил меня, что заступаюсь за несчастного приятеля; я объяснил, что не защищаю его, а объясняю его и стремился иногда вразумить тех, кои клепают на него — небыллицу! <...> К Сверб[еевой] и к Львовой, оттуда опять к Сверб[еевой]. Там огорчился словами: «Лежачего не бьют» и уехал оскорбленный. И я неправ, обвиняя строго Чад[аева], но я мыслил вслух при тех, кои сами обвиняли его. При других говорю иначе: см. похвалу Новос[ильцева] (№ 316. Л. 59).

Запись от 8 ноября:

У Чадаева просидел с час, объяснился с ним, за что был сердит и теперь сердит на него⁵⁸. Он потерял голову: вот и все, когда был у гр[афа] Стр[оганова]. Но и Стр[оганов]у охота пересказывать слова пораженного приговором сумасшествия! (Там же).

9 ноября Тургенев пишет Вяземскому:

Вчера <...> был я у Чаадаева и нашел его довольно твердым, хотя образ наказания и сильно поразил и возмутил душу его. <...> Он уже давно своих мнений сам не имеет и изменил их существенно, и я это заметил во многом и удивился появлению письма, столь обильного бреднями. Но чего же опасаться, если все, особенно приятели его, так сильно восстали на него? [ОА (3): 354].

Запись от 10 ноября:

Писал <...> к Барат[ынскому] об ответе на Ч[адаева] для Вяз[емского] (№ 316. Л. 59 об.).

О том, что Баратынский пишет возражение на ФП-1, см. пояснение к записи от 24 октября. Тогда еще не было известно о запрете любых печатных откликов на публикацию в «Телескопе» (см. пояснения к записям от 27 и 29 октября), однако теперь возобновление этой темы выглядит необъяснимым. Между тем в письме от 11 ноября Тургенев входит в подробности:

⁵⁷ Петр Новосильцев — камергер, завсегда́тай светских салонов. С 1838 г. — московский вице-губернатор.

⁵⁸ См. запись от 11 октября и письмо Жуковскому от 24 октября. Ср. в письме к Н. И. Тургеневу от 14 декабря 1836 г.: «Я не скрью от него (Чаадаева. — В. М., А. О.) негодования за то, что он так компрометировал журн[алиста] и цензора, хотя они виновнее его, а перед законом виноват один цензор, но как увлекаться самолюбием и толкать дураков в воду» (№ 950. Л. 55).

Вот что пишет ко мне Баратынский, коему напоминал твое поручение: «Возражение мое далеко не приведено в порядок, а теперь, посреди разных положительных забот, вы можете себе представить, как мне трудно за него приняться. При первом досуге приложу к нему последнюю руку и попрошу нас доставить его князю Вяземскому» [ОА (3): 356–357]⁵⁹.

«Возражение» Баратынского закончено не было; черновики начатого сочинения не сохранились.

Накануне отъезда Тургенева из Москвы его визиты к опальному приятелю учащаются.

Запись от **12 ноября**:

К Чад[аеву]. Нашел его пишущим письмо ко мне, которое взял от него; начал с усмешкой говорить о моей филантропии. Дал ему почувствовать, что я не трусил за себя, а боялся за других, хотя опасения мои и основательны⁶⁰. От него к Г[рафу] Строг[анову] — не застал (№ 316. Л. 60).

Запись от **15 ноября**:

К Чад[аеву]. Сегодня я очень был им доволен и прощаю ему — второе напоминание о таланте⁶¹ (Там же).

Запись от **17 ноября**:

Был у Чадаева и встретил на улице выезжавшего от него обер-полиц[мейстера]. Подумал минуту: ехать ли к нему, но устыдился самого себя и, чувствуя гордо совершенную чистоту мою и моего поведения, — поехал к Чад[аеву]. Догадался, что и обо мне должно быть дело или что имя мое замешано. *Advienne que pourra!* (Будь что будет (фр.). — В. М., А. О.) [Там же].

Запись от **19 ноября**:

Обед у К[нязя] Голиц[ына]. О Чад[аеве] и обо мне (Там же. Л. 61).

Московский военный генерал-губернатор, давний знакомец Тургенева, был известен как своим благодушием, так и умелой защитой вверенного ему города от излишней опеки столичных властей. По всей вероятности, Тургенев выразил

⁵⁹ Вяземский готовил тогда альманах «Старина и новизна», который не увидел света.

⁶⁰ Как мы могли убедиться, Тургенев опасался репрессий за свои письменные сношения с Чаадаевым (о клеветнических рассказах Кашинцова, упомянутых в пояснении к записи от 31 октября, вряд ли стоило беспокоиться); такой исход дела мог серьезно ухудшить положение Николая Тургенева, который с негласного дозволения петербургских властей жил на доходы от российских имений брата.

⁶¹ По-видимому, даже признав свое «сумасшествие», Чаадаев не утратил прежних амбиций.

надежду, что князь Голицын использует свое влияние для того, чтобы предписанная «забота» о здоровье Чаадаева не отягощала его состояние. Из этой передряги Чаадаев вышел довольно скоро: следствием регулярных сообщений князя Голицына графу Бенкендорфу явилось решение Николая I от 28 июня 1837 г. прекратить лечение автора ФП-1. Впрочем, административная волокита тянулась до 11 ноября [Чаадаев 2010: 891–892], когда, по выражению Вяземского, «пульс Чаадаева» был «уволен от щупания» (№ 4715. Л. 80).

Выехав из Москвы **21 ноября**, Тургенев прибыл в Петербург **25 ноября** (см.: № 316. Л. 61). Записи из его дневника, фиксирующие столичные пререкания о Чаадаеве, см. в [Щеголев 1999: 253–278].

В дальнейшем отношении Александра Тургенева и Петра Чаадаева отнюдь не потеряли своего напряжения. Схождения и размолвки двух старинных друзей в 1837–1845 гг. выводят к важным, но остающимся до сих пор в тени страниц русской интеллектуальной истории.

Источники

- Авраамий 1784 — Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от Поляков и Литвы ... / Сочиненное ... Авраамием Палицыным. М.: Моск. тип., 1784.
- Булгаков 2000 — «У тебя целый Сан-Франциско в твоём архиве...» (Из «Современных записок и воспоминаний...») А. Я. Булгакова. Записи 1836–1859 гг.) / Публ. С. В. Шумихина // Встречи с прошлым. Вып. 9 / Редкол.: Н. Б. Волкова (отв. ред.) и др. М.: Рус. книга, 2000. С. 17–112.
- Волкова 1874 — Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской / Пер. М. П. Свистуновой // Вестник Европы. 1874. № 8. С. 572–665; № 9. С. 115–168.
- Вяземский 1951 — *Вяземский П. А.* Письма к жене за 1832 год / Публ. М. С. Боровковой-Майковой // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. Т. 9 / Сост. В. Д. Бонч-Бруевич. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1951. С. 235–468.
- Гагарин 1996 — *Гагарин И. С.* Дневник. Записки о моей жизни. Переписка / Сост., вступ. ст., пер. с фр. и коммент. Р. Темпеста. М.: Языки рус. культуры, 1996.
- Герцен 1956 — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
- Голицын 1918 — *Голицын Н. В.* П. Я. Чаадаев и Е. А. Свербеева (из неизданных бумаг Чаадаева) // Вестник Европы. 1918. № 1–4. С. 233–254.
- Дельвиг 1930 — Полвека русской жизни: Воспоминания А. И. Дельвига, 1820–1870 / Ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1930.
- Декабристы 1932 — Декабристы и их время. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюз. общества полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932.
- Дмитриев 1998 — *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой; Вступ. ст. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой. М.: Нов. лит. обозрение, 1998.
- Жихарев 1989 — *Жихарев М. И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: Мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
- Истрин 1913 — *Истрин В.* Из документов архива братьев Тургеневых // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 44. № 3. Отд. 2. 1913. С. 1–26.
- Карамзины 1960 — Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов / [Под ред. Н. В. Измайлова]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

- Каталог 2000 — Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева / Сост. В. С. Гречанинова и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Пашков дом, 2000.
- Корнилов 1911 — *Корнилов А.* К биографии Белинского (Новые данные) // Русская мысль. Т. 6. Отд. 2. 1911. С. 18–45.
- Лемке 1908 — *Лемке Мих.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб.: Изд. С. В. Бунина, 1908.
- Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4 / Сост. Н. А. Тархова. М.: Слово/Slovo, 1999.
- Пушкин 1937–1949 — Пушкин. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1949.
- Пушкин 1952 — Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) / Публ. К. Богавской и др.; Вступ. ст. Д. Благого // Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ред.: А. М. Еголин (гл. ред.) и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 3–154.
- ОА (3–4) — Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3; Т. 4. СПб.: Изд. графа С. Д. Шереметева, 1899.
- Свербеев 2014 — *Свербеев Д. Н.* Мои записки / Изд. подгот. М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М.: Наука, 2014.
- Снегирев 1904 — Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисл. А. А. Титова. Т. 1. М.: Университет. тип., 1904.
- Тургенев 1939 — Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. А. Сабурова. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1939.
- Тургенев 1964 — *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л.: Наука, 1964.
- Тургенев 1989 — *Тургенев А.* Политическая проза / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Л. Осповата. М.: Сов. Россия, 1989.
- Хомяков 1994 — *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и подгот. текста В. А. Кошелева. М.: Медиум, 1994.
- Чаадаев 1836 — [*Чаадаев П. Я.*]. Философические письма к г-же ***. Письмо первое // Телескоп. 1836. № 15. С. 275–310.
- Чаадаев 1991 — *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2 / Сост. и коммент. С. Г. Блинова и др. М.: Наука, 1991.
- Чаадаев 2010 — *Чаадаев П. Я.* Избранные труды / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Б. Велижева. М.: РОССПЭН, 2010.
- Щеголев 1999 — *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. 5-е изд. / Вступ. ст., сост. и примеч. Я. Л. Левкович. СПб.: Академ. проект, 1999.
- Kauchtschischwili 1968 — *Kauchtschischwili N.* Il diario di Dar'ja Fëdorovna Ficquelmont. Milano: Vita e pensiero, 1968.
- Lerminier 1836 — *Lerminier E.* Cours d'histoire des législations comparées ... Paris: G. Angé et Cie, 1836.
- Tchaadaev 1990 — *Tchaadaev P.* Œuvres inédites ou rares / Éd. par R. McNally, F. Rouleau et R. Tempest. Meudon: Bibliothèque Slave, 1990.
- Turgenev, Žukovskij 2019 — Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij, 1830–1845 / Hrsg. ... von H. Siegel. Wien et al.: Böhlau, 2019.

Литература

- Азадовский 2008 — *Азадовский К.* Чаадаев и графиня Ржевуская // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 330–341.
- Боровой 1963 — *Боровой С. Я.* М. Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / Изд. подгот. С. Я. Боровой, М. И. Гиллельсон. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 269–313.
- Велижев 2007 — *Велижев М.* «Affaire du Téléscope»: Письма С. Г. Строганова к С. С. Уварову (октябрь 1836 г.) // Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 4: Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 300–317.
- Велижев 2022 — *Велижев М. Б.* Чаадаевское дело 1836 года: контексты и интерпретации. М.: Нов. лит. обозрение, 2022. (В печати).
- Гиллельсон 1970 — *Гиллельсон М. И.* Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968 / Ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука; Ленинград. отд-е, 1970. С. 14–32.
- Гиллельсон 1974 — *Максимов М.* [Гиллельсон М. И.] По страницам дневников и писем А. И. Тургенева // Прометей. Т. 10 / Ред. кол.: М. П. Алексеев и др. М.: Мол. гвардия, 1974. С. 355–397.
- Гиллельсон 1978 — *Гиллельсон М. И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 8 / Ред. кол.: М. П. Алексеев и др. Л.: Наука; Ленинград. отд-е, 1978. С. 195–218.
- Гиллельсон 1986 — *Гиллельсон М. И.* Славная смерть «Телескопа» // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книге и прессе пушкинской поры. 2-е изд. М.: Книга, 1986. С. 165–183.
- Заборов 1978 — *Заборов П. Р.* Французские корреспонденты А. И. Тургенева (М.-А. Жюльен, Э. Эро, П.-С. Балланш, Ф. Экштейн) / Публ. П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год / [Отв. ред. К. Д. Муратова]. Л.: Наука; Ленинград. отд-е, 1978. С. 258–275.
- Мазон 1937 — *Мазон А.* «Князь Элим» // Литературное наследство. Т. 31/32 / Пригот. С. А. Макашин. М.: Журн.-газ. объединение, 1937. С. 373–490.
- Мордовченко 1950 — *Мордовченко Н. И.* «Московский наблюдатель» (1835–1837) // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинград. гос. Ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1950. С. 370–382.
- Осват 1992 — *Осват А. Л.* Из комментария к текстам Чаадаева (по материалам Тургеневского архива) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана / Отв. ред. А. Мальте. Тарту: [Тартуский ун-т], 1992. С. 225–231.
- Сапова, Сапов 1995 — Дело о запрещении журнала «Телескоп»... (Новые документы о П. Я. Чаадаеве) / Публ. Л. Саповой, В. Сапова // Вопросы литературы. 1995. Вып. 1. С. 113–153.
- Темпест 1986 — *Темпест Р.* Неизданная статья А. С. Хомякова // Символ: [Ж-л; Париж]. № 16. 1986. С. 121–134.
- Эйдельман 1987 — *Эйдельман Н. Я.* М. С. Лунин и его сибирские сочинения // Лунин М. С. Письма из Сибири / Изд. подгот. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М.: Наука, 1987. С. 301–352.
- Эльзон 1982 — *Эльзон М. Д.* Кем переведено «Философическое письмо»? (к истории закрытия «Телескопа») // Русская литература. 1982. № 1. С. 168–176.
- Gebhard 1970 — *Gebhard J. J.* A. F. Vel'tman's Unpublished Reply to Chaadaev's Philosophical Letter // Canadian Slavic Studies. Vol. 4. No. 2. 1970. P. 218–228.

Сокращения

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГБ — Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

References

- Azadovskii, K. (2008). Chaadaev i grafinia Rzhhevusskaia [Chaadaev and Countess Rzewuska]. *Voprosy literatury*, 2008(5), 330–341. (In Russian).
- Borovoi, S. Ia. (1963). M. F. Orlov i ego literaturnoe nasledie [M. F. Orlov and his literary heritage]. In M. F. Orlov. *Kapitulitsiia Parizha. Politicheskie sochineniia. Pis'ma* (S. Ia. Borovoi, & M. I. Gillel'son (Eds.), pp. 269–313). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Eidel'man—Eidel'man, N. Ia. (1987). M. S. Lunin i ego sibirskie sochineniia [M. S. Lunin and his Siberian writings]. In M. S. Lunin. *Pis'ma iz Sibiri* (I. A. Zhelvakova, & N. Ia. Eidel'man (Eds.), pp. 301–352). Nauka. (In Russian).
- El'zon, M. D. (1982). Kem perevedeno “Filosoficheskoe pis'mo”? (k istorii zakrytiia “Teleskopa”) [Who was the translator of the “Philosophical Letter”?]. *Russkaia literatura*, 1982(1), 168–176. (In Russian).
- Gebhard, J. J. (1970). A. F. Vel'tman's Unpublished Reply to Chaadaev's Philosophical Letter. *Canadian Slavic Studies*, 4(2), 218–228.
- Gillel'son, M. I. (1970). Pushkin v ital'ianskom izdanii dnevnika D. F. Fikel'mon [Pushkin in the Italian edition of D. F. Ficquelmont's diary]. In M. P. Alekseev (Ed.). *Vremennik Pushkinskoi komissii. 1967–1968* (pp. 14–32). Nauka; Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
- Gillel'son, M. I. (1978). Literaturnaia politika tsarizma posle 14 dekabria 1825 g. [Literary policy of Tsarism after December 14, 1825]. In M. P. Alekseev et al. (Eds.). *Pushkin: Issledovaniia i materialy* (Vol. 8, pp. 195–218). Nauka; Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
- Gillel'son, M. I. (1986). Slavnaia smert' “Teleskopa” [Glorious death of “Telescope”]. In V. E. Vatsuro, & M. I. Gillel'son. *Skvoz' “umstvennye plotiny”*: *Ocherki o knige i presse pushkinskoi pory* (2nd ed., pp. 165–183). Kniga. (In Russian).
- Maksimov, M. [Gillel'son, M. I.] (1974). *Po stranitsam dnevnikov i pisem A. I. Turgeneva* [From A. I. Turgenev's diaries and letters]. In M. P. Alekseev et al. *Prometei* (Vol 10, pp. 355–397). Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Mazon, A. (1937). “Kniaz' Elim” [“Prince Elim”]. In S. A. Makashin (Ed.). *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 31/32, pp. 373–490). Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. (In Russian).
- Mordovchenko, N. I. (1950). “Moskovskii nabludatel'” (1835–1837) [“Moscow Observer” (1835–1837)]. In *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki* (Vol. 1, pp. 370–382). Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo Ordena Lenina universiteta im. A. A. Zhdanova. (In Russian).
- Ospovat, A. L. (1992). Iz kommentariia k tekstam Chaadaeva (po materialam Turgenevskogo arkhiva) [Notes and queries on Chaadaev's compositions (based on materials from Turgenev's archive)]. In A. Malz (Ed.). *Sbornik statei k 70-letiiu prof. Iu. M. Lotmana* (pp. 225–231). [Tartu University]. (In Russian).
- Sapova, L., & Sapov, V. (Publ.) (1995). Delo o zapreshchenii zhurnala “Teleskop”... (Novye dokumenty o P. Ia. Chaadaeve) [“Telescope” magazine ban case (new documents about P. Ja. Chaadaev)]. *Voprosy literatury*, 1995(1), 113–153. (In Russian).
- Tempest, R. (1986). Neizdannaiia stat'ia A. S. Khomiakova [A. S. Khomiakov's unpublished article]. *Simvol*, 16, 121–134. (In Russian).
- Velizhev, M. (2007). “Affaire du Telescope”: Perepiska S. G. Stroganova i S. S. Uvarova (oktiabr' 1836 g.) [“Telescope” magazine case: Correspondence between S. G. Stroganov and S. S. Uvarov, October, 1836]. In L. Kiseleva (Ed.). *Pushkinskie chteniia v Tartu*, (Vol. 4)

- Pushkinskaia epokha: problemy refleksii i kommentariia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* (pp. 300–318). Tartu Ülikooli Kirjastus. (In Russian).
- Velizhev, M. B. (2022). *Chaadaevskoe delo 1836 goda: konteksty i interpretatsii* [Chaadaev's case in 1836: Contexts and interpretations] (Forthcoming). *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Zaborov, P. R. (Publ.) (1978). Frantsuzskie korrespondenty A. I. Turgeneva (M.-A. Zhiul'en, E. Ero, P.-S. Ballansh, F. Ekshtein) [A. I. Turgenev's French correspondents (M.-A. Jullien, E. Héreau, P.-S. Ballanche, F. d'Eckstein)]. In K. D. Muratova (Ed.). *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god* (pp. 258–275). Nauka; Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Вера Аркадьевна Мильчина

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник, Институт
высших гуманитарных исследований,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, ул. Чаянова, д. 15
Тел.: +7 (499) 250-66-68
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 84
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ vmilchina@gmail.com

Vera A. Milchina

Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Institute for Advanced
Studies in the Humanities, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125047, Moscow, Chayanova Str., 15
Tel.: +7 (499) 250-66-68
Leading Researcher, Center for Studies
in History and Culture, School of Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 84
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ vmilchina@gmail.com

Александр Львович Осповат

профессор-исследователь, Департамент
славянских, восточноевропейских
и евразийских языков и культур,
Калифорнийский университет, Лос-
Анджелес
322 Humanities Bld., Box 951502, Los
Angeles, CA 90095-1502, USA
Тел.: +1 (310) 825-3856
✉ alex.ospovat@gmail.com

Alexander L. Ospovat

Research Professor, Department of Slavic,
East European & Eurasian Languages
& Cultures, University of California, Los
Angeles
322 Humanities Bld., Box 951502, Los
Angeles, CA 90095-1502, USA
Tel.: +1 (310) 825-3856
✉ alex.ospovat@gmail.com